

Недуг, именуемый Болью огня Инь, Тань Чжан понимал яснее, чем кто-либо. Он горел этой болью столько лет, и лишь Цзи Юй был тем долгожданным дождём, утоляющим жажду. Даже если этот дождь изменит облик, превратившись в грязный пузырь в болоте, император знал — он ни за что не ошибётся.

Божество, бессмертный, демон, призрак — неважно, чем был этот человек. Почему он не мог просто покорно быть пешкой Цзи Мина, единственной дочерью первого советника?

Он мог дать ему всё.

Тань Чжан яростно думал, что может и отнять его жизнь.

Императорский конь был божественным скакуном, вороной в яблоках, с кроваво-красным потом. Когда император въехал на коне в лагерь, слуги не успевали сообщать быстрее, чем вздымалась пыль из-под копыт.

Служанка кричала:

— Госпожа! Госпожа!

Цзи Цинбай, только что вымывший голову и лицо, с ещё влажными распущенными волосами, просто не успевал их уложить, поспешно приподнял полог шатра. Перед ним вздыбился конь, Тань Чжан развернул коня на месте и с высоты смотрел на него.

Цзи Цинбай запрокинул голову. Его рот полуоткрылся — он не понимал, что происходит с императором.

Человек на лошади уже скинул лисью шубу и легко, словно ласточка, спрыгнул на землю.

Увидев, что Цзи Юй в такой мороз с мокрыми волосами, Тань Чжан недовольно прищурился, сорвал с себя лисью шубу и, накрыв с головой, крепко обхватил человека, даже не оставив прорезей для глаз.

Цзи Цинбай не успел встать на колени и поклониться, потому что император уже поднял его на руки.

— Собери вещи своей госпожи, — холодно приказал Тань Чжан служанке. — Всё перенеси в императорский шатёр.

Цзи Цинбай не мог понять нынешнее настроение Тань Чжана, к тому же с головы до ног был закутан в лисью шубу и не видел выражения его лица. К счастью, вскоре Цзи Цинбай почувствовал под собой мягкость — его опустили.

Вода с мокрых волос ещё капала, вскоре образовав мокрое пятно. Цзи Цинбай стянул лисью шубу и обнаружил, что император уложил его на императорское ложе.

Кровать была не такой большой, как во дворце, но и немаленькой, снизу была подложена толстая медвежья шкура, очень тёплая.

Цзи Цинбай увидел, как Тань Чжан протянул руку, и почувствовал боль в правой мочке уха — её ущипнули.

Цзи Цинбай...

Тон Тань Чжана был холоден:

— Только что прокол?

Цзи Цинбай намеренно обнажил и левое ухо, подобострастно сказав:

— И здесь тоже прокол.

Тань Чжан взглянул и тихо фыркнул.

Прокол только что сделан, и странно было бы не чувствовать боли после такого долгого щипания. Император не отпускал, Цзи Цинбай не смел отстраниться, долго постанывал и хныкал, чувствуя, что и правое ухо у него распухло.

На душе у него было действительно горько: он думал, что обе мочки ушей увеличились в размере и теперь он, наверное, похож на Будду Майтрею.

Натешившись вдоволь, Тань Чжан наконец-то смилостивился и отпустил его. Увидев, что волосы Цзи Юй всё ещё мокрые, он велел только что прибывшему Цзэн Дэ подать полотенце.

Главный евнух, не успев и глотка воды, дрожал, запыхавшийся, как собака, и прислуживал.

Волосы Цзи Юй, хоть и не были его собственной гривой, но всё же росли на голове, и Цзи Цинбаю совсем не хотелось, чтобы император так с ними обращался. Поэтому после нескольких рывков он остановил руку Тань Чжана.

— Я сам, Ваше Величество, — у Цзи Цинбая от боли покраснели уголки глаз. Тело девочки-подростка было слишком нежным, он всхлипывал, и слёзы наворачивались на глаза. — Я сам справлюсь, сейчас же.

Тань Чжан наконец перестал его донимать.

Цзи Цинбай спокойно вытер волосы досуха. Он не умел делать женские причёски, просто заплел косу и опустил её на грудь. Подняв голову, он увидел, что Тань Чжан пристально смотрит на него, и собрался что-то сказать, но не успел открыть рот, как вошёл Лу Чаншэн.

Лекарь Лу сейчас при виде Цзи Юй испытывал головную боль, особенно когда видел её вместе с императором — боль становилась невыносимой.

Он почтительно встал на колени, поклонился и сказал:

— Ваш слуга пришёл навестить пульс Вашего Величества.

О покушении на Тань Чжана Цзэн Дэ узнал первым и, конечно, отправил лекаря осмотреть рану. Император не отказался, лишь махнул рукой:

— Сначала осмотри его.

Лу Чаншэн на мгновение не понял, кого именно.

Цзи Цинбай тоже был озадачен и сидел не двигаясь.

— Цзи Юй, — внезапно позвал его Тань Чжан, протягивая руку. — Иди сюда.

Цзи Цинбай послушно подошёл и, видя, что император всё ещё протягивает руку, немного поколебался. Подойдя ближе, он поднял запястье и положил свою руку ему в ладонь.

Тань Чжан слегка надавил, притянул его к себе. Император сидел, широко расставив ноги, одной рукой держа человека, другой обхватив за талию, слегка напрягся и прямо посадил Цзи Цинбая себе на колени.

Цзи Цинбай... Он испугался и не смел пошевелиться.

Цзи Юй, хоть по пустым годам и было шестнадцать, но все предыдущие годы она была беспомощной, и теперь восстанавливалась с трудом. Вся её фигура была миниатюрной и изящной, на руках она казалась маленькой. Тань Чжан, казалось, взвесил её на руках, и в глазах его мгновенно появился иней.

Лу Чаншэн снова почувствовал, что сейчас умрёт.

Цзи Цинбай позволил ему навести пульс. На этот раз времени ушло больше, и после этого лицо Лу Чаншэна стало землистым.

Тань Чжан холодно произнёс:

— Говори.

Губы Лу Чаншэна дрожали, он действительно не знал, что сказать. Цзи Юй в три года лишилась рассудка, и чтобы предотвратить её пробуждение, он по приказу императора приготовил «Вечное безумие», дабы контролировать Цзи Мина. Не ожидал, что Цзи Юй не останется безумной навсегда, не только очнулась, но и Вдовствующая императрица прочла её на место во дворце. В таком случае император определённо не оставил бы ей жизнь. На самом деле Лу Чаншэн был искуснее в изготовлении ядов, чем лекарств. Его «Забвение» могло в течение года привести отравленного к смерти от «слабости и болезни», причём без малейших следов. Изначально эта девушка принимала его ежедневно, всё шло хорошо, но в итоге император внезапно передумал.

Что ж, пусть будет противоядие. Лу Чаншэн носил прозвище «Святая рука Долгой весны» и не собирался губить свою репутацию. Но не учел, что после «Вечного безумия» и «Забвения», изначально слабый организм Цзи Юй не выдерживал сильных лекарств — он не смел давать большие дозы, боясь агрессивного воздействия. В итоге яд выводился медленно, а здоровье человека становилось всё хуже. На этот раз, наведя пульс, Лу Чаншэн вплотную задумался, куда же ему перенести свою могилу.

Он не посмел сказать что-то вроде: «Похоже, здоровье госпожи не продержится и полугода», но выражение лица не лгало. Тань Чжан, видя, как тот кланяется, не поднимая головы, чувствовал, как сердце его медленно погружается в пучину.

— Продолжай лечить, — свысока, без тени радости или гнева, произнёс император. — Готовь лекарство.

Лу Чаншэн поднял голову, хотел что-то сказать, но, увидев выражение лица Тань Чжана, проглотил слова и тихо ответил:

— Слушаюсь, — отползая на коленях назад.

После его ухода оставшиеся двое долго молчали.

Цзи Цинбаю стало неловко, он кашлянул и тихо произнёс:

— Ваше Величество, не осмотреть ли вашу рану?

Тань Чжан опустил голову, спокойно глядя на него, и сказал:

— У меня нет раны.

Цзи Цинбай, пока тот не видел, скривил губы. Он думал: «Я же сам высосал твой яд, а теперь отказываешься? Совести нет».

Убийцу не поймали, и охота, естественно, не могла продолжаться. В полночь императорский шатёр сняли досрочно. Любопытные узнали, что проблема не только в убийце — говорят, у привезённой императором госпожи плохое здоровье, она внезапно закашлялась кровью.

Цзи Цинбай не знал, какие слухи о нём ходили, ведь слова о том, что император Цзинфэн глубоко влюблён, звучали довольно жутко.

Кашель с кровью у Цзи Цинбая действительно был не намеренный. Ранее его божественная душа с трудом подпитывалась магической печатью Будды-Владыки какое-то время, но за один день силы истощились. К тому же, тело Цзи Юй было изначально слабым и хрупким, его продуло ветром и замело снегом за ночь — даже железный человек не выдержал бы.

Императорская колесница была украшена золотом, яшмой, серебряными кистями, пол с подогревом окружал парчовые одеяла в середине повозки. Цзи Цинбай спал в полудрёме, в забытии его приподняли, чтобы дать лекарство. Он открыл глаза и увидел у уголка глаза Тань Чжана пышно распустившийся алый лотос.

— Слишком горько... — проворчал Цзи Цинбай. Ему казалось, что с тех пор, как он спустился в Нижний мир, лекарства не прекращались ни на день, от него несло их запахом, а во рту не было и мгновения чистоты.

Император, держа чашу, ничего не сказал, сам ложка за ложкой влил лекарственный отвар ему в рот.

Цзи Цинбай, выпив лекарство, закутался в парчу. После того как пропотел, волосы мокрыми прилипли ко лбу. Спал он с болью в пояснице, и тогда Тань Чжан обнял его сзади и усадил.

Цзэн Дэ не посмел мешать, забрал чашу с лекарством и удалился. В повозке остались только Цзи Цинбай и Тань Чжан, тихо прижавшиеся друг к другу.

Неизвестно, подействовало ли лекарство, но от близости с императором Цзи Цинбаю стало хорошо.

Магическая печать Будды-Владыки была плотной и чистой. Цзи Цинбай воспользовался моментом, чтобы восстановить море сознания, питая масло в божественной основе. Он немного оживился, и казалось, будто лекарство Лу Чаншэна подействовало.

Тань Чжан время от времени пощипывал его мочку уха, долго молчал, а затем тихо произнёс:

— Когда вернёмся, я велю сделать тебе новые серьги.